



ЛЮБОВИ ПЕТРОВНЕ КЕЗИНОЙ – ЛИДЕРУ МОСКОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

А.Г. Каспржак

Любовь Петровну я увидел впервые в самом конце 70-х, на передовом предприятии «Хроматрон», где проходило подведение итогов социалистического соревнования между системами образования двух районов столицы: Куйбышевского, среди представителей которого был Толя Каспржак – молодой организатор воспитательной работы школы № 388 и Первомайского, команду которого возглавляла ОНА – секретарь Исполкома. Понимаю, что для современного читателя далеко не все слова предыдущего предложения понятны, потому замечу, что секретарь Исполнительного комитета совета народных депутатов – это именно и есть советская власть, а секретарь этого органа – человек, отвечающий за правильную работу социальной сферы. Ну, а социалистическое соревнование – это рудимент стахановского движения позднего социализма, в который почти все относились с иронией. Кроме, разве что, некоторых возрастных директоров, еще не потерявших окончательно веры в идеи великой утопии, и нашей героини, которая как мне уже тогда показалось, использовала любой предложенный государством механизм для улуч-

шения ситуации на том участке поля, где была ответственной, главной.

Гордости «куйбышевцев» (ужас как звучит, если вдуматься), на территории которого располагалось единственное в стране предприятие, производившее кинескопы, где проходило мероприятие, Любовь Петровна противопоставила организованность команды «первомайцев» и... внешний вид. Эффектная, хорошо причесанная (по тем временам – это, скорее, исключение, нежели правило), как теперь я понимаю, молодая женщина, твердо убежденная, что выиграть в любом соревновании должна она и только она. Кто не согласен, как говорить в известном анекдоте, читайте пункт первый.

Так было всегда. Убежденность своего лидера и умение взять ответственность на себя, помогла армаде московского образования первой в первой стране «победившего социализма» ввести вариативность, создать: лицеи и гимназии, негосударственные, национальные школы и инновационные школы и т.д. Замечу, что на дворе был конец 80-х. Время горбачёвской перестройки, уже начавшей освобождать наши головы для своих собственных мыслей, но в котором понятие лицей,

КАСПРЖАК АНАТОЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ – профессор Департамента образовательных программ Института образования НИУ ВШЭ, Заслуженный учитель России.



еще не подвергалось полной обструкции лишь потому, что одноименное учреждение закончил Александр Пушкин, а многозначная фраза – «мы в гимназиях не обучались», причислял автора к пролетариату, который был, как известно, становым хребтом тогдашней власти.

Причем, что важно, поддерживала лидер московского образования людей инициативных, ищущих не на словах (таких было много), а на деле. Это мы хорошо почувствовали в 1989-ом, когда Любовь Петровна поверила «новым советским гимназистам» – Александру Бубману, Евгению Топаллеру и мне, взяв и здесь ответственность на себя. Так единая общеобразовательная политехническая школа канула в лету.

Неумение проигрывать побудило ее к участию в подготовке голосования депутатов Верховного Совета за неугодного большинству (сейчас в это трудно поверить), министра образования Эдуарда Днепрова. До сих пор помню, как летом 90-ого, мы стояли во дворе Управления образования в одном из арбатских переулков, куда с цветами и словами благодарности ЛЮБЕ (так ее звали за глаза и коллеги, и подчиненные) приехал вновь испеченный министр. Таковыми же счастливыми как она в эти минуты были на всем Арбате, быть может: влюбленные, только что окончившие «Щуку» артисты и молодые папы, стоящие под окнами роддома имени Грауэрмана.

Но, думаю, одной жадной победы успехи Любви Петровны не пояснить. На фоне руководитель образования ее выделяло умение рисковать.

Гимназии, лицеи, о которых шла речь выше – риск, как и привлечение в советники Василия Васильевича Давыдова, исключённого в 1983-ем году из партии. Это она была одной из тех, кто вернул снятого с должности директора Института общей и педагогической психологии АПН СССР в школу № 91, где последний классик отечественного образования проводил эксперименты.

Еще одно качество Любви Петровны – умение «держать удар», или, по-простому – терпеть. Как тяжело было ей – представителю «ельцинского набора» вдруг, хоть ненадолго, но стать пусть первым, но все-таки заместителем председателя Московского городского комитета, который возник после объединения Управлений общего и профессионального образования. Или после того, как сняли с первых секретарей Бориса Николаевича, которого она осенью 1986-ого представляла московским директорам школ, и сделала вместе с ним так, что мы его не просто стали уважать, а полюбили. Прямо здесь, на так называемом августовском педагогическом совете.

И еще. Она всегда была последовательной в своих убеждениях и пристрастиях. Никогда не забуду, как мы с Любовью Петровной читали текст опальной речи московского лидера на пленуме ЦК КПСС, которую я достал по случаю, и на ее глазах были слезы. Что она думала в этот момент – не знаю, но то, что не только о себе, а о деле, которое они недоделали – точно.

Иллюстрацией тех же качеств является, на мой взгляд, ее отношения с Александром Наумовичем Тубельским. Сначала она разрешила коллективу 734-ой пригласить этого неудобного для любой власти человека к себе директором, а когда в школе начались недовольства революционными преобразованиями, и, как следствия, проверки, собрала своих подчиненных и объявила трехлетний мораторий на вмешательства Департамента в дела учреждения им возглавляемого.

Представляю, что пережила Любовь Петровна в тот момент, когда рафинированный идеалист-демократ, романтик Тубельский, после ее выборов в академики, написал ей письмо с предложением отказаться от звания. Или когда только избранный Московский совет народных депутатов, решил «разобраться» с пережитками командно-административной системы, но... Все это она выстояла. Пережила вместе с московскими директорами-либералами, которых любила и поносила, ценила и доверяла, ну и наказывала, как в нашем Отечестве водится.

Сейчас трудно себе представить, но каждый год в те времена заканчивался коллективным выездом клуба директоров московских школ на пле-

нэр, где подводились итоги года «по гамбургскому счету». Оглянулся я как говорится, по сторонам и вижу... Ефим Рачевский и Толя Пинский во фраках жарят шашлык, Сергей Менделевич гарцует на заблудшей из соседней деревни лошади, а Леонид Исидорович Мильграм, на правах патриарха, делает лидеру московского образования, только что пережившему покушение, весьма неоднозначные, но как ему казалось, поддерживающие Любовь Петровну комплименты. Картина маслом, как теперь принято говорить.

Она могла просто так «завернуть» в школу, поговорить, не заметив, что в кабинете накурено. Обязательно прочесть неудачную, с ее точки зрения, статью в газете, написанную подчиненным. Отругать согрешившего директора за это действие публично, придать на время забвению и... простить. Оставив человека на месте, продолжая его защищать от нападков чиновников не ее ведомства и т.д., и т.п. Терпеть мальчишеские выходки опьяневших от свободы директоров школ, которые могли реализовывать весьма сомнительные новации или вести себя так, что описание подобного просто не очень ложиться на бумагу.

Думаю, именно так постепенно в Москве возникла пресловутая «либеральная образовательная вертикаль», во главе которой царилась Любовь Кезина, а основными моторами и приводящими систему в движение ремнями были свободно мыслящие реформаторы: этакие «Сперанские»

эпохи новой России. Так и хочется написать, перефразируя Натана Эйдельмана, что московская школа девяностых – это «...гениально созданная, крутым кнутом погоняемая телега...», которая неслась вперед на всех парах.

Каждый из нас – не идеален. Конечно же, Любовь Петровна Кезина – партийный и советский руководитель, как и все строители новой России. Райкомовское (партийное и/или комсомольское) прошлое придавало им (и героине нашей, конечно) безапелляционность суждений, а природная интуиция, взращенная искусством шестидесятников – внимательное отношение ко всему новому и необычному. Это они (она) все, что мы видим вокруг, сначала задумали, потом – построили. Это им (нам), сегодня хорошо видно – чем можно гордиться, переживать за то, что было «сколочено наспех», а потому... Ну, да время не повернуть вспять.

Идут годы. Наши пути разошлись. Несколько лет назад мы встретились с Любовью Петровной в магазине. Она выбирала продукты, работала мамой и бабушкой, что, как я понимаю, далеко не всегда свойственно людям ее круга. Мы обменялись несколькими дежурными фразами и... она заговорила о московской школе, её школе. Тут я окончательно понял, что Любовь Петровна Кезина для меня была и остается, не только управленцем и менеджером, но, прежде всего – лидером московского образования последнего российского смутного времени.

Дай Бог Вам здоровья, Любовь Петровна! •

